

DOI 10.15826/izv2.2018.20.2.027
УДК 930.2:81'22 + 94(495) + 39(=512.1)

Н. Э. Жигалова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ОБОЗНАЧЕНИЯ ОСМАНОВ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ДУКИ И ЛАОНИКА ХАЛКОКОНДИЛА*

Обозначая тот или иной народ, византийцы не ограничивались использованием грецизированных самоназваний этих этнических групп. Особенностью византийского этнонимического лексикона было воспроизведение архаизированных названий, применение уничижительной номинации «варвары» либо собирательных наименований. Выбор византийскими авторами тех или иных наименований применительно к конкретному народу отражает характер культурного восприятия ромеями другого этноса и отношения к нему в определенных исторических условиях. Цель настоящего исследования — проанализировать синонимический ряд обозначений османов поздневизантийскими историками Дукой и Лаоником Халкокондиллом, выявить особенности употребления этих названий, а также заключенную в них культурно-историческую характеристику.

Опираясь на методику контент-анализа исторических сочинений Дуки и Халкокондила, автор статьи выделяет следующий синонимический ряд: «турки», «варвары», «османы», «мусульмане», «неверные», — и анализирует частотность употребления данных наименований и контексты, в которых они встречаются. Как показало исследование, наименования «османы» и «мусульмане» использовались авторами ситуативно, исходя из строго определенного контекста, и не несли в себе ни положительных, ни отрицательных коннотаций. Словом «варвары» историки обозначали представителей иного, отличного от христианского, вероисповедания, причем применяли его исключительно к мусульманским народам

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации междоцивилизационного конфликта».

© Жигалова Н. Э., 2018

тюркского происхождения. Оценочная характеристика «неверные» применялась Дукой только в отношении турок-османов, чтобы подчеркнуть их религиозную инаковость и враждебность к христианской вере, в то время как Халкокондил вообще избегал употребления этого семантически перегруженного слова. Самым же часто употребляемым обозначением был нейтральный этноним «турки», который был более привычен для византийцев и, по всей вероятности, повсеместно использовался в повседневной речевой практике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Поздняя Византия; византийские историки; Дука; Лаоник Халкокондил; турки-османы; варвары; мусульмане; неверные.

Ц и т и р о в а н и е: *Жигалова Н. Э.* Обозначения османов в византийских исторических сочинениях Дуки и Лаоника Халкокондила // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 84–96.

Поступила в редакцию 18.04.2018

Принята к печати 10.05.2018

Natalia E. Zhigalova

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

DESIGNATIONS OF THE OTTOMANS IN THE BYZANTINE HISTORICAL WRITINGS OF DOUKAS AND LAONIKOS CHALKOKONDYLES

Denoting a particular nation, the Byzantines did not limit themselves to using the Greekised self-designations of these ethnic groups. The peculiarity of the Byzantine ethnonymic lexicon was the reproduction of archaic names, the use of the pejorative name “Barbarians” or collective nominations. The choice by Byzantine authors of one nomination or another to refer to a specific people reflects the nature of the Romans’ cultural perception of other ethnic groups and their attitude towards them in certain historical conditions. The purpose of this study is to analyse the synonymous series used by late Byzantine historians Doukas and Laonikos Chalkokondyles to describe the Ottomans, to reveal the peculiarities of the use of these names, as well as the cultural and historical characteristics thereof.

Based on the method of content analysis of historical works of Doukas and Laonikos Chalkokondyles, the author distinguishes the following synonymous series: “Turks”, “Barbarians”, “Ottomans”, “Muslims”, and “Infidels”, and analyses the frequency of these designations and the contexts in which they occur. According to the study, the terms “Ottomans” or “Muslims” were used by the authors on a situational basis, depending on a strictly defined context, and did not carry positive or negative connotations. Using the name “Barbarians”, the historians designated representatives of another religion, different from Christianity, and applied it exclusively to Muslim peoples of Turkic origin. The word “Infidels” was applied by Doukas only to the Ottoman Turks in order to emphasise their religious otherness and hostility to Christian faith, while Chalkokondyles generally avoided the use of this semantically overloaded word.

The most commonly used designation was the neutral ethnonym “Turks”, which was more typical among the Byzantines and, probably, was universally used in everyday speech practice.

Key words: Late Byzantium; Byzantine historians; Ottoman Turks; Doukas; Laonikos Chalkokondyles; Barbarians; Muslims; Infidels.

Acknowledgements

The research is financially supported by the *Russian Foundation for Basic Research* within the framework of research project 18-09-091091 “Turkish Sieges of Late Byzantine Cities: Features of the Urban Society Functioning in the Situation of Inter-Civilizational Conflict”.

Citation: Zhigalova, N. E. (2018). Oboznacheniiia osmanov v vizantiiskikh istoricheskikh sochineniiakh Duki i Laonika Khalkokondila [Designations of the Ottomans in the Byzantine Historical Writings of Doukas and Laonikos Chalkokondyles]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 2 (175), 84–96.

Submitted on 18 April, 2018

Accepted on 10 May, 2018

Обозначая тот или иной народ, в соприкосновение с которым приходила Византийская империя на протяжении своей долгой истории, ромеи не ограничивались лишь использованием грецизированных самоназваний этих этнических групп. Одной из особенностей византийского этнонимического лексикона, широко употребительного прежде всего в литературной практике, было воспроизведение архаизированных этнонимов, заимствованных из классической древности¹. Для современных им реалий византийцы применяли античную номенклатуру названий народов. В результате такой лингвистической подмены соседями ромеев поздневизантийского времени оказывались скифы, персы, трибаллы, иллирийцы, которые в действительности были монголами, турками, сербами и албанцами [Бибиков 1984, с. 32; 1980, с. 71; Шукуров, 2015, с. 49–51]. Зачастую византийские авторы применяли к народам, проживавшим за пределами империи, уничижительное название «варвары» (βάρβαροι) [Ditten, S. 273–275], подчеркивая свое цивилизационное превосходство над ними. Еще одним способом идентификации носителей иной культуры и религии было обозначение их собирательным наименованием (например, «латиняне», «мусульмане»), которое также несло в себе оценочный посыл. С помощью этнонимов писатели не только идентифицировали, но и иерархизировали соседей, классифицируя их по локативному, конфессиональному, языковому или морально-этическому принципам. Такие маркеры позволяли обозначить их инаковость и подчеркнуть особенности, отличающие их от византийцев [Mullet, p. 21].

---

¹ О принципах антиквизации и архаизации в византийских произведениях см.: [Bartusis; Hunger; Jenkins].

Выбор византийскими авторами той или иной номинации применительно к конкретному народу отражает характер культурного восприятия ромеями другого этноса и отношение к нему. Цель настоящего исследования — проанализировать синонимический ряд обозначений османов поздневизантийскими историками Дукой и Лаоником Халкокондилем, выявить особенности употребления этих названий, а также заключенную в них культурно-историческую характеристику. Анализ лексики самых объемных — и с лексической точки зрения разнообразных — сочинений этих двух историков [Ducae Historia Turcobyzantina; Laonikos Chalkokondyles] позволяет выявить различные уровни восприятия ромеями турок в условиях завоевания теми Византийской империи.

Для обозначения турок-османов, занимающих центральное место в повествовании этих историков, используется широкий синонимический ряд. Однако первое, что бросается в глаза, — отсутствие архаизированных этнонимов для их обозначения, хотя другие народы появляются на страницах их повествований под античными именами. Еще одно предварительное замечание, которое необходимо сделать перед тем, как перейти непосредственно к анализу этнонимической лексики, касается использования традиционного обозначения чужаков как «варваров», которое, по меткому замечанию М. В. Бибикова, исчерпывающе определяло пестрый в этническом отношении окружающий византийцев мир [Бибиков, 1999, с. 93]. Но если у писателей XIV — начала XV в. еще можно встретить наименование «варвары» в отношении, например, латинян [Куш, 2006, с. 323–325], то у историков, создававших свои произведения уже после падения Константинополя в 1453 г., эта номинация применяется исключительно к мусульманским народам.

Синонимический ряд, используемый Дукой и Халкокондилем для обозначения народа-завоевателя Византии, представлен следующими словами: «турки» [Moravcsik, S. 320–327], «варвары», «османы» [Ibid., S. 214–216], «мусульмане» [Ibid., S. 198–199], «неверные» / «нечестивцы». Частотность употребления этих синонимов и производных от них прилагательных отражена в таблице.

Частотность употребления различных наименований турок в сочинениях Дуки и Халкокондила

Наименования турок	Халкокондил		Дука	
	количество	доля, %	количество	доля, %
οἱ Τοῦρκοι («турки»)	202	73,4	319	80,7
οἱ βάρβαροι («варвары»)	56	20,3	22	5,5
οἱ Οττᾶνοι («османы»)	14	5,0	13	3,2
οἱ Μουσουλμᾶνοι («мусульмане»)	3	1,0	16	4,0
οἱ ἄσέβοι («неверные» / «нечестивцы»)	1	0,3	25	6,3

Как следует из данных таблицы, самое часто встречающееся словоупотребление — нейтральный этноним «турки» (οἱ Τοῦρκοι). Для Дуки это собирательное название всех мусульманских бейликов Анатолии. Так, повествуя о захвате сельджуками части Малой Азии, автор называет их «турками» [Ducas Historia Turcobyzantina, p. 33.21], не обозначая, о каких именно бейликах идет речь. «Правителем турок» писатель именует и Орхана [Ibid., p. 35.18–19], эмира османских турок, и Умура, властителя айдынского бейлика [Ibid., p. 35.9]. При этом иных этнических наименований (кроме как «османы») в их отношении историк не допускает. То же можно сказать о труде Халкокондила — «турками» писатель называет все тюркоязычные племена Малой Азии, однако чаще всего он, как и Дука, использует данный этноним применительно к османам. Учитывая, что термин «турки» употребляется авторами в подавляющем большинстве случаев (70–80 %), можно сделать вывод, что для писателей и их современников это было обычное и самое распространенное наименование восточных соседей [Шукуров, 2017, с. 74], которое, вероятно, использовалось не только в литературе, но и в повседневной практике, чего нельзя сказать о других обозначениях.

Примечательно, что при частом употреблении антикизированных этнонимов в отношении других народов (например, «скифы», «трибаллы», «иллирийцы») ни Дука, ни Халкокондил не именуют турок «персами»², хотя предшествующая византийская историография следовала этой традиции. По словам Р. М. Шукурова, данные этнонимические обозначения передавали обобщенную информацию о среде обитания, нравах и обычаях их носителей [Шукуров, 2017, с. 68]. Вероятно, в поздневизантийской историографической традиции наименование «персы» уже не было актуально ввиду того, что не несло в себе конкретных, исключительно туркам присущих историко-культурных коннотаций. Это, возможно, также свидетельствует об определенных изменениях в восприятии восточного соседа.

Семантически богатое понятие «варвар», традиционно используемое византийскими интеллектуалами для именования представителей иных народов [Куц, 2015, с. 108], в сочинениях последних византийских историков встречается лишь в трудах Дуки и Халкокондила и не обнаруживается у их современников (Критовула и Сфрандзи). Частотность упоминания слов «варвар», «варварский» в изучаемых текстах составляет 5,5 % от общего числа синонимов у Дуки и 20 % у Халкокондила, что свидетельствует об актуальности для них подобной характеристики турок.

В сочинении Халкокондила именование турок «варварами» — общее место. Историк не наделяет понятие «варвар» какими-то специфическими характеристиками и использует его, как правило, описывая завоевания турок: «Когда я родился, эллины и царство эллинов находились в упадке из-за <...> варваров, которые прогнали их с остатков их земель» [Laonikos Chalkokondyles, vol. 1, p. 10.8]. Так,

---

² Об употреблении этого этнонима в византийских источниках см.: [Шукуров, 2017, с. 79–84; Moravcsik, S. 252–254].

обозначение «варвары» — это собирательное название завоевателей вообще и главного антагониста ромеев. Интересно, что «варварами» в сочинении Халкокондила именуется только турки, к другим мусульманским народам этот термин не применяется. К примеру, Халкокондил пишет, что множество родственных «скифам» (монголам) народов, «следующих их обычаям», включали в себя «варварские народы турок, которые проживали в Азии» [Laonikos Chalkokondyles, vol. 1, p. 12.9]. Так, «варварами» именуется не только турки-османы, но и представители других турецких бейликов: «Орхан атаковал Филадельфию, но не смог ее захватить, поскольку там было много защитников. После этого, как говорили, он рассорился с варварскими правителями в Азии: заключив с одними союзы, он беспрестанно вел войны с другими» [Ibid., p. 36.27]. Неоднократно упоминая о раздорах среди турецких эмиров, Халкокондил называет их «правителями варваров»: «До него (Мурада I. — Н. Ж.) дошли вести, что правители варваров в Азии заключили союзы и теперь побуждают [население] его земель восстать против него» [Ibid., p. 60.43]. «Храбрейшим варваром Азии» именуется Искандер, сын Кара Юсуфа, захватившего в 1410 г. Армению [Grousset, p. 458–459]. Несмотря на то, что государство Кара-Коюнлу не являлось турецким бейликом, его правители, тем не менее, были потомками огузских тюрков [Zachariadu, p. 285–286] — поэтому Халкокондил относит их к «азиатским варварам». Следовательно, к «варварам» писатель причисляет только мусульманские народы Азии, имевшие тюркское происхождение, и лишь иногда арабов [Laonikos Chalkokondyles, vol. 1, p. 140–142.32–33]. Вероятно, историк делает это осознанно, желая обозначить мусульманские, прежде всего тюркоязычные племена в качестве главных антагонистов в его повествовании.

Рассказывая о своем деде, Дука отмечает, что тот повстречался в Азии с Исой, сыном Айдына, основателя айдынского бейлика, и впоследствии «почитал и прославлял [этого] инородца и варвара» (τὸν ἄλλογενὴ καὶ βάρβαρον) [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 47.10]. Так, «варвар» в данном случае — не то же самое, что «инородец», из чего следует, что «варвар» в понимании Дуки — это не только «не грек», но и представитель иного культурного пространства.

По словам Дуки, пленных ромеев «варвары (турки. — Н. Ж.) жестоко наказывали» [Ibid., p. 57.23–24], если их не удавалось сразу продать, «и не было им жалости ни от эллинов (Ἑλλήν)³, ни от варваров» [Ibid., p. 57.28–29]. Примечательно, что в данном случае писатель четко разграничивает турок-мусульман и так называемых «эллинов», т. е. тех, кто поклоняется языческим богам. Следовательно, Дука не причисляет последователей ислама к язычникам, что неоднократно отражено в его сочинении. Деление тех, кто совершает злодеяния, на варваров и язычников, на наш взгляд, показательное, поскольку позволяет предположить, что для историка понятие «варвар» несет также и некоторые религиозные коннотации.

³ Под «эллинами» здесь подразумеваются приверженцы язычества [Magoulas, p. 272, not. 47].

Наименование «варвар» часто употребляется историком в контексте его переживаний о несчастной судьбе ромеев, за свои грехи ставших жертвой жестоких турок: «Неудачи, разброд и войны друг с другом привели к тому, что ромеи попали под власть варваров и [всякого] сброда» [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 49.26–28]. Аналогичные высказывания Дука допускает, рассуждая о завоеваниях турок: «Варвары разграбили все дикие и цивилизованные народы. <...> Господом было предначертано, что мы будем поработены неверными» [Ibid., p. 177.16, 20–21]. Так, писатель именует турок «варварами», желая подчеркнуть их религиозную инаковость и жестокость в отношении покоренных христиан. У Халкокондила это наименование не окрашено в подобные однозначно негативные тона, однако также употребляется им, когда необходимо подчеркнуть бедствия греков: «Когда они (эллины. — *Н. Ж.*) бросились к городу, варвары атаковали их, убив многих эллинов» [Laonikos Chalkokondyles, vol. 1, p. 34.26]. Повествуя об осаде Филадельфии Баязидом I, историк отмечает, что жители города отвергли предложение сдать город, «признать Турка (султана. — *Н. Ж.*) в качестве их господина и правителя, сказав, что они не желают оказаться в руках варваров» [Ibid., p. 102.7]. Однако, замечает Халкокондил, в результате многократных нападений Баязида на Константинополь «многие жители города умерли от голода или переметнулись к варварам» [Ibid., p. 132.27]. По мнению автора, бедствия греков «от рук варваров были им наказанием за то, что они содейли с Троей» [Ibid., vol. 2, p. 206.30]. Так, «варвары» в повествовании историка предстают некой разрушительной силой, принесшей беды византийцам.

Однако номинация «варвар» у Дуки не всегда свидетельствует о негативном отношении писателя к тем фигурантам его сочинения, к которым оно применяется. Султан Мурад II, например, именуется «варваром», не лишенным, однако, положительных качеств: «Этот варвар после победы не впадает в гнев и не гонится за убегающим врагом» [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 285.10–11]. За многочисленные добродетели Господь, по мнению автора, «даровал этому варвару спокойную смерть вместо гибели от меча» [Ibid., p. 285.13–14].

В то же время Мехмед II также назван «варваром» [Ibid., p. 309.4–5], что затрудняет идентификацию этого наименования как однозначно негативного или нейтрального. Очевидно, что для Дуки «варварский» означает не только «чужой», «другой», но еще и обозначает представителя другой веры и иной культуры, поскольку в его сочинении это название всегда идет в тесной связи с религиозными предпочтениями названного «варвара». Сетуя, например, о продажности и бесчестности некоторых священнослужителей, писатель отмечает, что «видел собственными глазами монахиню, принявшую священный обет, которая мало того, что ест мясо, так еще и облачается в варварские одеяния, приносит жертвы лживому пророку и бесстыдно поклоняется его нечестивой вере» [Ibid., p. 319.28–31]. Также Дука указывает, что после захвата Константинополя в 1453 г. «Великая Церковь (собор Святой Софии. — *Н. Ж.*) стала алтарем варваров, была переименована и обратилась в дом Мухаммеда» [Ibid., p. 375.29–30]. У Халкокондила же понятие «варвары» зачастую хоть и не несет

в себе однозначных религиозных коннотаций, но все же обозначает именно представителей мусульманского мира. Так, сообщая о попытках западных правителей противостоять османской угрозе накануне битвы при Никополе в 1396 г., историк отмечает, что венгерский король Сигизмунд призывал папу Бонифация IX «поддержать деньгами и людьми поход против варваров, который он спланировал» [Laonikos Chalkokondyles, vol. 1, p. 118.19]. Кроме того, Халкокондил подчеркивает, что рыцарские ордена, активно боровшиеся с турецкой экспансией [см.: Luttrell, Zachariadu, p. 72–81], «были основаны во всем мире, чтобы защитить религию Иисуса от варваров» [Laonikos Chalkokondyles, vol. 1, p. 216.28]. Следовательно, в текстах обоих авторов слово «варвар» означает не только «чужой», «другой», но, прежде всего, представителя иного, враждебного вероисповедания. Так, в сочинении Халкокондила указание на «варварство» является едва ли не единственным обозначением человека другой веры.

Редкий этноним «османы» (οἱ Ὀτμάνοι) употребляется в труде Дуки лишь в тех случаях, когда необходимо сделать акцент на том, что речь идет именно об османском бейлике и его правителях: «Вернемся же к современным нам правителям османов и выясним, как они пришли к власти» [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 111.9–10]. Так, правитель айдынского бейлика Джунейд [Wright, p. 380–383] сетует, что он за оказание поддержки османским государям «не получил от османов ни богатств, ни титулов» [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 219.3–5].

Халкокондил также дает обозначение «османы» только когда необходимо подчеркнуть их место среди турецких бейликов. Так, согласно историку, «османы принадлежат племени огузов» [Laonikos Chalkokondyles, vol. 1, p. 18.13]. Описывая разногласия между османами и караманидами, писатель отмечает, что после смерти Мурада II Ибрагим-бей, правитель караманидского бейлика, «поднял восстание против османов» [Ibid., vol. 2, p. 162.66].

Другой пример употребления этого этнонима — словосочетание «последователи Османа» (διαβάντες τοῦ Ὀτμάν) [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 169.30] — встречается в редких случаях, как, например, у Дуки во время скорбной речи Баязида, бывшего визирем Мехмеда I, по поводу кончины его господина. Кроме того, писатель отмечает, что основным критерием для претендента на османский престол является лишь его принадлежность к Османской династии: «Важно лишь, чтобы правитель был потомком Османа» [Ibid., p. 175.19–20]. Особенно остро эта проблема встала после смерти султана Мехмеда I в 1421 г., когда его сын Мурад II, пытаясь занять султанский престол, столкнулся с противодействием своего дяди Мустафы, желавшего, в свою очередь, при поддержке византийцев завладеть османским тронem. По сообщению Дуки, турки были уверены, что Мустафа не имел прав на престол, поскольку, «как все говорят, он не являлся потомком Османов» [Ibid., p. 217.8–9].

Таким образом, историк использует обозначение «османы» или «потомки Османа» лишь в тех случаях, когда это представляет принципиальную важность для понимания сути повествования, для конкретизации этнической

принадлежности тюркских племен, а также в речах, приписываемых Дукой самим туркам. Именованье «османы» должно было подчеркнуть принадлежность тех или иных турок именно к османской династии, и никак иначе.

По мнению Халкокондила, если бы сыновья Баязида I после его смерти не воевали между собой, то «царство османов не разделилось бы на две части» [Laonikos Chalkokondyles, vol. 1, p. 176.59]. Повествуя об этой междоусобной войне, историк передает слова Хасана, предводителя янычар: «Сыновья мои! Чего же вы ждете? Почему вы не отправитесь как можно скорее к вашему повелителю (Мехмеду Челеби. — *Н. Ж.*), потомку рода Османов?» [Ibid., p. 298.16]. Очевидно, Халкокондил, как и Дука, понимал, что принадлежность к османской династии для любого из претендентов была единственным легитимирующим фактором, позволяющим потомкам Баязида предъявлять права на султанский трон. Так, именованье «османы» очень ситуативно и зачастую употребляется лишь для того, чтобы определить одного из претендентов как представителя рода Османов.

Не менее редким является обозначение «мусульмане» (οἱ Μουσουλμάνοι), которое используется Дукой лишь при описании совместных военных кампаний османов и представителей других бейликов [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 149.23–26]. Воинов эмира Тимура, победившего в 1402 г. при Анкаре султана Баязида I, писатель именует не иначе как «скифами», хотя они (воины), безусловно, тоже были мусульманами. Лишь однажды Дука отмечает, что в Филадельфии «во времена скифского вторжения один злой и коварный человек, будучи видным чиновником, отдал многих христиан в руки нечестивого врага, <...> затем варвары предали их огню» [Ibid., p. 161.11–14]. Таким образом, несмотря на то, что в отношении «скифов» Дука использует преимущественно нейтральные характеристики, он все же отмечает их «нечестивость», т. е. принадлежность к исламу, хотя ни разу не именует их мусульманами.

В положительном ключе термин «мусульмане» употребляется автором только при передаче речей турецких вельмож или правителей. Так, Баязид, визирь почившего Мехмеда I, призывает знатных турок оказать поддержку его сыну Мураду II, который был вынужден бороться за престол с другим претендентом, своим дядей Мустафой: «Целью его (Мурада. — *Н. Ж.*) было преувеличить род Пророка и преуменьшить род ромеев. Много городов и провинций присоединил он к владениям мусульман» [Ibid., p. 187.29–31]. В свою очередь, Мустафа, поддерживаемый византийским правительством, обращаясь к греческим сановникам, отмечал, что он вынужден нарушить договор с ними и захватить некоторые города, поскольку «иначе род мусульман никогда не признает меня повелителем, <...> и города эти и провинции должны быть вырваны из рук неверных (христиан. — *Н. Ж.*), чтобы снова стать мусульманскими» [Ibid., p. 197.28–29, 199.4–5].

Камнем преткновения в отношениях между Мехмедом II и правителем караманидского бейлика Ибрагимом II, по мнению Дуки, было то, что Ибрагим-бей был «истинным другом христиан» [Ibid., p. 291.10–11] и, несмотря на то, что «был мусульманином и приверженцем веры Мухаммеда, он предпочитал вести войны и сеять неразбериху в своих собственных интересах» [Ibid., p. 291.12–14].

Также Мехмед II сетовал, что «гяуры торжествовали, в то время как мусульманский род бедствовал» [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 299.14–15]. Таким образом, принадлежность к мусульманской религии, очевидно, обязывала турок проявлять солидарность к своим единоверцам. Заключение же договоров с христианами против своих соплеменников грозило потерей политического авторитета и фактически лишало турецких лидеров возможности выстраивать мирные отношения с другими мусульманскими эмирами.

Показательно, что в труде Халкокондила обозначение «мусульмане» встречается лишь трижды — один раз в речи Мурада II, взывающего к своим войнам накануне Варненской битвы 1444 г. [Laonikos Chalkokondyles, vol. 2, p. 46.35], другой раз в пересказе: «Говорят, что <...> они (турки. — Н. Ж.) доставили голову правителя венгров правителю мусульман» [Ibid., p. 94.11]. В третьем случае глашатаи султана обращаются к турецким войнам с призывом удерживать позиции и противостоять врагам [Ibid., p. 386.100]. Таким образом, автор ни разу напрямую не использовал данный термин применительно к туркам. Вероятно, историк намеренно избегал какой-либо религиозной идентификации главных действующих лиц своего сочинения, акцентируя внимание на культурных, но не конфессиональных различиях турок и византийцев. Возможно, именно поэтому в его сочинении невозможно встретить обозначения турок как «неверных».

В произведении Дуки, напротив, подобные высказывания встречаются довольно часто. Автор не скупится на колкие замечания в адрес мусульман. По словам Дуки, во время осады Константинополя в 1394 г. император Мануил, взывая о помощи, отправил послов к папе, французскому и венгерскому королям, иначе «враги христианской веры (ἐχθροὶ τῆς τῶν χριστιανῶν πίστεως) возьмут город» [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 79.17–19], а «город (Константинополь. — Н. Ж.) и его драгоценные священные реликвии окажутся во власти нечестивцев и поработителей христиан (τοῖς ἀσεβέσι καὶ χριστομάχοις)» [Ibid., p. 85.12].

Впрочем, упоминания «нечестивой веры» турок в труде Дуки довольно скудны и присутствуют лишь в исключительных случаях, например, в сравнительных характеристиках. Так, султан Мурад II, по сведениям Дуки, славился тем, что симпатизировал неимущим независимо от того, «были это люди его рода и нечестивой веры, либо же христиане» [Ibid., p. 285.4–5]. В тексте Халкокондила обозначение «неверный» / «нечестивый» (ἀσεβής) упоминается лишь однажды — в рассказе о том, что некогда иверийцы, т. е. жители Иверии (современная Грузия), узрев чудеса св. Нино, «отвергли свою нечестивую веру; так она сделала их христианами» [Laonikos Chalkokondyles, vol. 2, p. 314.36]. Однако в данном случае, во-первых, этот термин никак не соотносен с мусульманской религией, во-вторых, фрагмент, содержащий его, по мнению Э. Калделлиса, является более поздней интерполяцией [Ibid., p. 512, not. 47], следовательно, не принадлежит перу Халкокондила.

Наименование ἀσεβής часто используется Дукой при описании тяжких испытаний, которые христианам пришлось перенести из-за турок. Описывая

осаду Константинополя в 1453 г., Дука объясняет успех османов тем, что «судьба отвернулась от ромеев и улыбнулась неверным» [Ducae Historia Turcobyzantina, p. 343.16–17], отмечая, что под стенами города турки выкрикивали проклятия и издевательства «на своем скверном и нечестивом языке» [Ibid., p. 351.21–22]. Примечательно, что именно в этом фрагменте термин «неверные» / «нечестивые» встречается чаще, чем во всем остальном тексте. Главы, посвященные захвату византийской столицы, изобилуют красочными описаниями турецких злодеяний, и именно поэтому здесь нейтральные характеристики уступают место исключительно негативным обозначениям османов. Так, «один из неверных <...> на четыре части разрубил икону топором» [Ibid., p. 363.6–7], а тем временем «бесчисленная орда конных нечестивцев устремила по улице, ведущей к Великой Церкви» [Ibid., p. 363.15–16].

Очевидно, что сочинение Дуки в большей степени насыщено разнообразными оценочными характеристиками османов, нежели произведение Халкокондила. Вероятно, для Халкокондила это был своеобразный способ сгладить острые углы и свести к минимуму негативный посыл в сторону турок, в то время как Дука, напротив, старался использовать доступный ему языковой инструментарий, чтобы подчеркнуть бедствия христиан от «нечестивых» османов.

Таким образом, наименования «турки», «османы» и «мусульмане» у этих историков практически совсем лишены эмоциональной окраски — они употребляются ситуативно, исходя из строго определенного контекста, и не несут никаких отрицательных или положительных коннотаций. В то же время авторам было хорошо известно отношение самих турок к своим единоверцам — неслучайно обозначения «османы» или «мусульмане» звучат из уст турецких правителей или визирей, которые призывают своих соплеменников поддержать истинного потомка Османа в гонке за султанский престол либо рассуждают о том, сколь вредны союзы турецких лидеров с христианами для единства мусульманских народов.

Из проведенного анализа следует, что традиционное для византийских литературных произведений обозначение «варвары» применялось историками исключительно для того, чтобы подчеркнуть религиозное «варварское» отличие турок-мусульман от «цивилизованных» христиан, для которых столкновение с таким «варварским» миром было разрушительно. Однако даже в процентном соотношении в сочинениях обоих авторов употребление характеристики «варвар» в разы уступает нейтральному и бесцветному этнониму «турки», который именно так — нейтрально и бесцветно — обозначал уже привычных обитателей некогда византийского пространства.

Источники

Ducae Historia Turcobyzantina (1341–1462) / ex recensione B. Grecu. Bucharest : Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1958.

Laonikos Chalkokondyles. The Histories / transl. by A. Kaldellis. Cambridge, London : Harvard Univ. Press, 2014. Vol. 1–2.

Исследования

Биби́ков М. В. Византийская этнонимия: архаизация как система // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / под ред. С. Б. Бернштейна, Л. А. Гиндина, Е. С. Голубцовой, А. И. Мелюковой, В. Э. Орла. М. : Наука, 1980. С. 70–72.

Биби́ков М. В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / под ред. Л. А. Гиндина. М. : Наука, 1984. С. 30–36.

Биби́ков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб. : Алетей, 1999.

Куц Т. В. Латиняне в восприятии латинофилов // Античная древность и средние века. 2006. Вып. 37. С. 318–328.

Куц Т. В. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2015. № 4 (145). С. 105–115.

Шукуров Р. М. Некоторые замечания о византийских моделях «этнической» идентификации // Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб. : Алетей, 2015. С. 49–62.

Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М. : Изд-во Моск. ун-та, 2017.

Bartusis M. C. The Functions of Archaizing in Byzantium // *Byzantinoslavica*. 1995. Т. 56/2. P. 271–278.

Ditten H. Βάρβαροι, Ἕλληνες und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern // Actes du XII Congrès international d'études Byzantines / éd. par G. Ostrogorski. Beograd : Naučno delo, 1964. Т. 2. S. 273–299.

Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia / transl. from French by N. Walford. New Brunswick, New Jersey : Rutgers Univ. Press, 1970.

Hunger H. On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ) of Antiquity in Byzantine Literature // *Dumbarton Oaks Papers*. 1969–1970. Vol. 23. P. 15–38.

Jenkins J. H. The Hellenistic Origins of Byzantine Literature // *Dumbarton Oaks Papers*. 1963. Vol. 17. P. 37–52.

Luttrell A., Zachariadu E. A. Sources for Turkish History in the Hospitallers' Rhodian Archive 1389–1422. Athens : Institute for Byzantine Research, 2008.

Magoulias H. J. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. An Annotated Translation of "Historia Turco-Byzantina". Detroit : Wayne State Univ. Press, 1975.

Moravcsik G. Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. Leiden : E. J. Brill, 1983. Bd. 2.

Mullet M. The 'Other' in Byzantium // Strangers to Themselves: the Byzantine Outsider. Papers from the Thirty-second Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Sussex, Brighton, March 1998 / ed. by D. C. Smythe. Aldershot : Ashgate Variorum, 2000.

Wright C. The Gattilusio Lordships and the Aegean World 1355–1462. Leiden, Boston : Brill, 2014.

Zachariadu E. The Oğuz Tribes: The Silence of Byzantine Sources // *Itinéraires d'Orient: Hommages à Claude Cahen* / ed. by R. Curiel and R. Gyselen. Bures-sur-Yvette : Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient, 1994. P. 285–289.

References

Bartusis, M. C. (1995). The Functions of Archaizing in Byzantium. *Byzantinoslavica*, 56, 2, 271–278.

Bibikov, M. V. (1980). Vizantijskaya etnonimiya: arhaizatsiya kak sistema [Byzantine Ethnonymy: Archaisation as a System]. In S. B. Bernstein, L. A. Gindin, E. S. Golubtsova, A. I. Melyukova, V. E. Orel (Eds.), *Antichnaya balkanistika. Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Balkanism. The Ethnogenesis of People of the Balkans and the Northern Black Sea Region] (pp. 70–72). Moscow: Nauka. (In Russian)

Bibikov, M. V. (1984). Arhaizatsiya v vizantijskoj ehtnonimii [Archaisation in Byzantine Ethnonymy]. In L. A. Gindin (Ed.), *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya* [The Ethnogenesis of People of the Balkans and the Northern Black Sea Region] (pp. 30–36). Moscow: Nauka. (In Russian)

Bibikov, M. V. (1999). *Vizantijskie istochniki po istorii drevnej Rusi i Kavkaza* [Byzantine Sources on the History of Ancient Russia and the Caucasus]. St Petersburg: Aletheia. (In Russian)

Ditten, H. (1964). Βάρβαροι, Ἕλληνες und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern. In G. Ostrogorsky (Ed.), *Actes du XII Congrès international d'Études Byzantines* (Vol. 2, pp. 273–299). Beograd: Naučno delo. (In German)

Grousset, R. (1970). *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia* (N. Walford, Trans.). New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press.

Hunger, H. (1969–1970). On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ) of Antiquity in Byzantine Literature. *Dumbarton Oaks Papers*, 23, 15–38.

Jenkins, J. H. (1963). The Hellenistic Origins of Byzantine Literature. *Dumbarton Oaks Papers*, 17, 37–52.

Kushch, T. V. (2006). Latinyane v vospriyatii latinofilov [Latins in the Perception of Latinophils]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 37, 318–328. (In Russian)

Kushch, T. V. (2015). Turki pod stenami Konstantinopolya (1422): obraz vraga v vospriyatii zashchitnikov goroda [Turks under the Walls of Constantinople (1422): The Image of the Enemy in the Perception of the City's Defenders]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 4 (145), 105–115. (In Russian)

Luttrell, A., & Zachariadu, E. A. (2008). *Sources for Turkish History in the Hospitallers' Rhodian Archive 1389–1422*. Athens: Institute for Byzantine Research.

Magoulias, H. J. (1975). *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. An Annotated Translation of "Historia Turco-Byzantina"*. Detroit: Wayne State University Press.

Moravcsik, G. (1983). *Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker* (Vol. 2). Leiden: E.J. Brill. (In German)

Mullet, M. (2000). The 'Other' in Byzantium. In D. C. Smythe (Ed.), *Strangers to Themselves: the Byzantine Outsider. Papers from the Thirty-second Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Sussex, Brighton, March 1998*. Aldershot: Ashgate Variorum.

Shukurov, R. M. (2015). Nekotorye zamechaniya o vizantijskih modelyah "ehtnicheskoj" identifikatsii [Some Remarks on the Byzantine Models of "Ethnic" Identification]. In N. A. Khachaturyan (Ed.), *Etnosy i "natsii" v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya* [Ethnoses and "Nations" in Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Era] (pp. 49–62). St Petersburg: Aletheia. (In Russian)

Shukurov, R. M. (2017). *Tyurki v vizantijskom mire (1204–1461)* [The Turks in the Byzantine World (1204–1461)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Wright, C. (2014). *The Gattilusio Lordships and the Aegean World 1355–1462*. Leiden, Boston: Brill.

Zachariadu, E. (1994). The Oğuz Tribes: The Silence of Byzantine Sources. In R. Curiel, & R. Gyselen (Eds.), *Itinéraires d'Orient: Hommages à Claude Cahen* (pp. 285–289). Bures-sur-Yvette: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient.

Жигалова Наталья Эдуардовна

ассистент кафедры истории Древнего
мира и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: nezhigalova@gmail.com

Zhigalova, Natalia Eduardovna

Teaching Assistant
Chair of Ancient History and the Middle Ages
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
Email: nezhigalova@gmail.com